

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

русский журнал

Олег
Кашин

© 2006

Олег Кашин

Всюду жизнь

«Европа»

Кашин О. В.

Всюду жизнь / О. В. Кашин — «Европа»,

Эта книжка целиком отдана одному автору – Олегу Кашину, за фантастически короткий срок ставшему звездой газетной журналистики. Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном месте, а потом живо и смачно обо всем рассказать на газетных страницах. Но, приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко.

© Кашин О. В.

© Европа

Содержание

Русский журнал одного автора	5
Другой Кашин	6
Жизнь Кашина	8
Быдло	8
Спасение красного флага	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Олег Кашин

Всюду жизнь

Русский журнал одного автора

Русский журнал – это сообщество авторов, их персональных журналов. Книжка РЖ целиком отдана одному Кашину. Будут и другие, но почему первый – Кашин? Самый подвижный автор РЖ из тех, что сообщают лишь то, что видели и испытали. Рассказывая, не повторять чужие слова вслед за обществом – колоссальный риск. У нас на зоне глазастых не любят.

Набеги Кашина на реальность обнаруживают страну повсюду в состоянии выделки. Россия – это резидентура мировой истории, ее корсет. Живых она внедряет в невозможные обстоятельства, связь поддерживает изредка и неохотно, данные не проверяет. Предоставляя тебе неслыханную свободу вранья и порчи. Оттого здесь столько «общественного мнения» – тараторящих девок, кипучей нежити и циников с обидчивостью, странной для циника.

Русская история по Ключевскому – это образовательная юдоль, типология русского воспитания. Воспитания недоросля, воспитания монарха (чем попытался было заниматься сам, без успеха), воспитания грусти... Воспитания зрячих, от чего прямиком к сердцевине выделки – личной твердости. Без реализма русскому быть твердым нельзя. Проглядел тетку в рыжей шубе, а потом некого и незачем защищать. Неглазастые долго не сопротивляются, сбиваясь в «общество».

Кашинская оживленность при посещении общественных срамных мест России и просвещает на собственный счет, и ободряет нас – живы! А кашинская всеядность, на пару с его манерой неуместно морализировать, вынуждают искать скандальную подоплеку. Например, неподкупность.

Глеб Павловский, Главный редактор РЖ

Другой Кашин

Кашин... бойкий автор и цепкий наблюдатель, регулярно отправляющийся на все митинги, демонстрации, флэш-мобы, пикеты и побоища в Москве. Он – Растиньяк, приехавший овладеть Москвой, редкий для современной России тип классического американского репортера, дотошный, честолюбивый хроникер, для которого «события» и «факты» куда важнее, чем «ура» и «долой». И потому, если революция в России, не дай Бог, случится, именно Кашин будет ее Джозном Ридом. Александр Тимофеевский «Юность – это вездесудно» («Известия» от 07.06.2005)

Эжен Растиньяк – герой Бальзака, который дает клятву – достичь успеха, выбиться в люди любой ценой. Корреспондент «Коммерсанта» Олег Кашин вполне заслужил такого сравнения – судя по той фантастической скорости, с которой он сделал карьеру, за какой-нибудь год превратившись из провинциала-«гастарбайтера» в настоящую звезду газетной журналистики. Где это видано, чтобы ведущее общенациональное СМИ («Известия») размещало на своих страницах панегирики в адрес сотрудников своего прямого конкурента? А ноутбук от Ходорковского? А полемика с Жириновским один на один в телеэфире? Иными словами, надо же было так заставить о себе говорить в двадцать пять-то лет!

Главная тема Кашина-репортера – «молодежная политика». От одного этого словосочетания еще недавно сводило зубы и веяло запахом коридоров бывших комсомольских учреждений, в которых догрызали бюджеты «на молодежь» неведомо как сохранившиеся престарелые комсомолы. Теперь не так: с недавних пор это та самая «настоящая» политика, по сравнению с которой политика «взрослая» есть не более чем надоевший балаган. Раньше жизнь была там, а здесь ее не было; теперь все в точности наоборот! Отчасти в этой уже совершившейся революции повинны события «внешние» – грузинские, украинские, киргизские, – но там общество не успело даже и разглядеть этих «студентов», превращенных в рычаг для свержения тронов. У нас в России не так: нам дана роскошь времени, отведенного на экспозицию. И не в последнюю очередь свою роль в этом сыграло и то, что нашлись люди вроде Кашина, которые эту живую среду смогли увидеть, описать, явить миру – и, тем самым, дать ей собственный язык и свои уникальные имена.

Но тем не менее, сравнение коммерсантовского корреспондента с бальзаковским персонажем настоящей критики все же не выдерживает. Кашин – не Растиньяк. И главное его отличие – именно в этом самом «любой ценой»: один из главных лейтмотивов кашинских текстов – это вопрос приемлемости (в самом широком смысле) цены настоящего успеха. Олег все время явно или неявно его задает: и когда живописует юных политических активистов, мечтающих о власти, и когда описывает саму власть во всем ее тяжеловесном обаянии, и когда просто пишет о жизни, будь то жизнь провинциального городка, московской тусовки, каких-то культурных артефактов, или же лично себя любимого, Кашина Олега Владимировича.

Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном месте, пару раз схлопотать по морде от какого-нибудь милиционера или недружелюбно настроенного активиста, а потом живо и смачно обо всем этом рассказать на газетных страницах. Но только приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко. Чтобы чувствовать нерв процесса, все время поверяя себя по нему. И именно в этом, а вовсе не в фортунах заключается реальный механизм капитализации бренда «Кашин».

Кашинские репортажи в «Коммерсанте» – торжество формата, созданного и поддерживаемого этим изданием: короткие жесткие фразы, только факты в каждом предложении, никакой отсебятины и никакой «позиции». Еще бы: если в изначальном тексте какая «позиция» и была, на рерайте все равно ее выбросят – машина есть машина.

В еженедельных колонках, которые Олег с осени 2004 года ведет в «Русском журнале» <http://www.russ.ru/columns/life/> (педантично вывешивая в своем сетевом блоге http://www.livejournal.com/users/another_kashin/ фрагменты черновиков за день до публикации), нам предстает совсем другой Кашин.

«Всюду жизнь» – таков постоянный заголовок кашинской колонки в РЖ. Здесь его журналистика ближе к Аксакову, Гиляровскому и Успенскому, чем к сухим западным образцам репортерского жанра. Это бытописание, в котором темой является то, что темой считает сам автор, он же в конечном счете и главный герой текстов. Автор, который думает, сопоставляет, спорит, возмущается, вспоминает – а также куда-то едет, с кем-то встречается, попадает в самые разные истории... Тот случай, когда уже не поймешь, где заканчивается журналистика и начинается литература. Но из этой «почти литературы», при всей ее «художественности», больше узнаешь о русской реальности, чем из напоминающих конторскую ведомость газетных заметок.

В каком-то смысле та жизнь, о которой идет речь, – это нерв нашего времени, далеко за пределами того узкого социального среза, с которым непосредственно взаимодействует автор. Не чувствуя его, нельзя изучать историю современности: в этом смысле данный сборник – еще и своего рода учебник истории. Ибо историк тем и отличается от хронографа, что пишет не только о событиях и датах, но и о том, что произошло – или происходит – на самом деле. Вкус к этому самому делу отличает журналиста Кашина. Однако на самом деле главные испытания для человека Олега Кашина еще и не начинались. Поскольку личный успех – это всего лишь аванс, выданный тебе историей.

Алексей Чадаев, редактор «Русского журнала»

Жизнь Кашина

Быдло

Как известно, помимо различных жанров киноискусства – комедия, мелодрама, боевик и так далее – существует индийское кино, которое, чем бы оно ни было по замыслу авторов – триллером, комедией, детективом, чем угодно, – все равно остается прежде всего индийским кино. Точно так же и с мероприятиями, которые устраивает Василий Якеменко. Не важно, какие плакаты и флаги в руках его бойцов, против кого они борются – против Зюганова ли, против Сорокина, – всегда все одинаково: организованная доставка на автобусах участников к месту проведения мероприятия; добротная изготовленная атрибутика; суровые распорядители, не позволяющие активистам общаться с газетными журналистами и рассказывать им о том, что за участие в митинге каждому то ли заплатили по триста рублей, то ли пообещали пейджер; съемочные группы государственных телеканалов, готовые пафосные сюжеты, и – очень четкое ощущение тотальной фальшивости происходящего.

О том, что случилось в Москве в воскресенье, знают все. Фотографии Ленинского проспекта, запруженного sixty тысячью подростками в одинаковых футболках, напечатанные во всех газетах и обошли, наверное, весь интернет. Формально это было премьерное выступление „Наших“ – со скандалом созданных в феврале „партизан порядка“, призванных остановить надвигающуюся революцию. При ближайшем рассмотрении „Наши“ оказались теми же „Идущими“: кроме самого Василия Якеменко среди организаторов я заметил его брата Бориса, нового лидера „Идущих вместе“ с выразительной фамилией Тараканов, колоритного борца с калоедами Михаила Мясоедова, – даже сама комиссар Лебедева, секс-символ „Наших“, еще совсем недавно, по слухам, работала библиотекарейшей в московском офисе „Идущих вместе“.

Не знаю, что изменилось в методах работы братьев Якеменко и их соратников, но, несмотря на наличие всех необходимых компонентов – и одинаковые футболки, и нескончаемые ряды автобусов, и даже (казалось бы, где найти более удобный повод для недовольства!) перекрытый почти на сутки Ленинский проспект, – ничего такого, что вызвало бы протесты моего правдолюбивого сердца, я на этом мероприятии не обнаружил.

Светит солнце. Играет музыка. Парит над толпой операторский кран Первого канала. Нарядные ветераны с орденами и медалями. Розовощекие подростки, не скрывающие, что их – там, в провинции – собирали на эту акцию по школам и вузам, обещая халявную поездку в Москву. Ветераны обнимаются с детьми. Дети произносят пафосную, но, если честно, хорошую клятву – мол, вы отстаивали страну тогда, мы отстоим ее теперь, и вы за нас не волнуйтесь.

Фальшь, которой славились „Идущие вместе“, куда-то делась. Ее нет, и понятно почему – ну что, школьник из Тулы или первокурсник из Орла разве не уважает старика, который шестьдесят лет назад воевал, а теперь, нарядный и с медалями, пританцовывает под „Смуглянку“ из динамиков? Да уважает, конечно. И ветераны довольны – мало ли как этих детей сюда свезли, ветеранам все равно, главное – вот дети, дети улыбаются и говорят какие-то добрые вещи.

Все нормально.

Сейчас я специально оставляю за кадром все остальное – опереточный „антифашизм“ „Наших“, демонизирующих радикальных социал-демократов из НБП, непонятно откуда берущиеся бюджеты, офис в жилой квартире на Ордынке, Яшина в сугробе и прочие гадости, которыми успели прославиться „Наши“. Не было на Ленинском ни сугробов, ни брошюрок с Каришей, да и единственная фраза юного комиссара Городецкого насчет „неофашистов из НБП“ на пресс-конференции после мероприятия была просто ответом на вопрос журналиста.

На Ленинском не было вообще ничего, кроме нескольких десятков тысяч подростков из провинции – совершенно обыкновенных подростков – и тысячи ветеранов – не менее обыкновенных ветеранов. И перекрытый для них проспект вызвал у меня намного меньше вопросов, чем перекрытая несколькими днями ранее для Вике-Фрейберги Тверская.

Собственно, больше говорить об этой акции нечего (к тому же я подробно описал ее в газете). Самое интересное было потом.

Журналист Фишман сфотографировал этих подростков из своего окна на Ленинском, а журналист Плющев вывесил эти фотографии в ЖЖ. И понеслась. „Гитлерюгенд“, „стрелять из пулемета“, „давить их“ и так далее, и так далее, и так далее. Четыре страницы комментариев. Через несколько часов наконец прозвучало и заветное слово „быдло“. Эти шестьдесят тысяч молодых людей – быдло. Почему? А просто так. Просто немотивированная злоба. Самый простой способ почувствовать себя элитой – это представить, что остальные – быдло. Представили. Понравилось. Поверили.

Не стану скрывать, для меня „борьба с быдлом“ – это во многом личное. В смысле – принимаю (может, и неоправданно) эти упреки на свой счет. Я приехал жить и работать в Москву два года назад. До этого двадцать три года прожил на окраине самого окраинного областного центра России. Ну, получилось так – я не виноват, что в конце семидесятых работникам калининградского авиаотряда, среди которых был мой отец, выдавали квартиры именно там, на окраине Калининграда, в достаточно гопническом районе. Вырос там. Закончил школу. Поступил в вуз неподалеку – обыкновенную морскую академию, не самый престижный вуз в масштабах страны. Закончил его. Типичное быдло, ага.

И вот я, чье детство прошло в калининградских дворах с торчащими из асфальта ржавыми кусками арматуры и, прости Господи, пасущимися на помойках коровами из окрестных поселков, почему-то не могу понять, чем я хуже любого из тех, кто сегодня называет „Наших“ быдлом. Чем?

Я так уверенно задаю этот вопрос, потому что знаю, что ничем. Потому что знаю, что любое такое же быдло, как и я, сумевшее не погрязнуть в этой арматуре и коровах на помойках, нашедшее свое место в непростой России двадцать первого века, – заслуживает большего уважения, чем любой бывший мальчик из приличной московской семьи, ощущающий себя элитой по праву рождения. Не важно, как я отношусь к „Нашим“ (плохо отношусь на самом деле), но когда их называют быдлом, мне самому хочется вступить в „Наши“, потому что они-то быдлом никого не называют, равно как и, в отличие от журналистки Боссарт из „Новой газеты“, никого не называют „красавцами, интеллектуалами и богачами с доброкачественными генами“.

Никакие коммунисты, никакой прокурор Шохин не раздувают социальную (о национальной промолчу) рознь так, как это делает наша либеральная публика – журналисты, стремительно маргинализирующиеся политики, правозащитники всякие и так далее. Презируя людей, они, натолкнувшись на ответную реакцию, почему-то искренне обижаются, хотя обижаться действительно не на что.

Закончить колонку хочу экспериментом. На следующий день я ходил к Мещанскому суду на митинг в защиту Ходорковского. Быдло пришло поддержать красавца, интеллектуала и богача с доброкачественными генами. По Каланчевке было не пройти. Давить их, гадов. Из пулеметов стрелять. Ходорковскийюгенд, блин. Нормально? Почему?

18 мая 2005

Спасение красного флага

На Болотной площади казнили то ли Разина, то ли Пугачева, то ли и того и другого. В советские времена площадь называли именем Репина. В две тысячи, что ли, первом году на Болотной открыли шемякинский памятник жертвам пороков, для которого, если верить Доренко, позировал сам Лужков.

Но не это самое главное в биографии Болотной площади. Сейчас, если я слышу „Болотная площадь“, не Пугачев, Репин или Шемякин предстают перед моим внутренним взором, а „Идущие вместе“.

Это одна из тайн современной Москвы: почему именно на этом месте и только на нем митингуют „Идущие“ (и только они, ни одна другая партия или организация митингов на Болотной площади не устраивает). Единственная версия, которая приходит в голову, – транспортная: до любой из ближайших трех станций метро десять-пятнадцать минут быстрой ходьбы, зато на двух ближайших набережных удобно парковать автобусы, много автобусов. Ну и Кремль опять-таки в пределах видимости.

Из известных мне политических организаций только две не предупреждают о том, что будет митинг. Это национал-большевики, панически (и небезосновательно) боящиеся утечек информации в милицию, и собственно „Идущие вместе“, которые утечек не боятся, но и видеть на своих мероприятиях газетных журналистов почему-то не хотят. Только недавно я научился узнавать об их митингах заранее – по пресс-релизам ГИБДД о перекрытии улиц. Если написано, что для движения закрываются Кадашевская и Болотная набережная и Большой Каменный мост, – значит, „Идущие“ что-то задумали.

И когда 7 ноября я шел с колонной КПРФ по мосту мимо Болотной, подозрения подтвердились: площадь оцеплена, рабочие в комбинезонах монтируют сцену, голубые кабинки общественных туалетов уже стоят около памятника Репину. Поэтому, дойдя с коммунистами до „Театральной“ (тоже, кстати, странно – почему они все время ходят от „Октябрьской“ до „Театральной“, а не наоборот? Калужская площадь просторнее, а на „Театральной“ удобнее собираться), я побежал на Болотную смотреть, что там будет.

Бегу через мост – вижу: нормально все. На набережной автобусы стоят. В два ряда. Прохожу на площадь – Боже, что это? Я не изображаю удивление, я действительно удивился, потому что на Болотной вместо „Идущих“ были коммунисты. Много коммунистов. Меньше, чем на „Театральной“, но тоже очень много. Совершенно зюгановско-анпиловского вида бабушки-дедушки, бедно одетые и беззубые, с красными флагами и транспарантами про дерьмократов.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что Болотная площадь осталась безраздельной вотчиной „Идущих вместе“. Они свезли из Подмосковья на автобусах несколько тысяч стариков, выдали им красные флаги и транспаранты, клеймящие Зюганова за союз с дерьмократами, соорудили сцену для ораторов (умилил меня очень один старичок, видимо близорукий – он пялился в телесуфлер, стоявший перед сценой, но вместо „Семигин“ читал „Семагин“, вместо „Видьманов“ – „Видьханов“, вместо „Ходорковский“ – „Ходоровский“). А главными на мероприятии были телевизионщики с двух государственных каналов. Знаете, бывают такие концерты-„телесъемки“, на которых зрителей заставляют сидеть, пока режиссер трансляции не скажет, что все, что требовалось переснять, переснято – при том, что финальная песня уже два часа как прозвучала. То есть не для зрителей концерт, а для камер. Вот и митинг тот не для тех, кого на него согнали, был устроен, а для государственных телевизионщиков. Я часто по роду деятельности встречаю этих людей – как правило, безумно молодых и до тошноты безукоризненных, причесанных таких, напудренных. Что скрывать, я ненавижу репортеров Первого канала и „России“, ненавижу их всех; да и как любить эти органчики, позирую-

щие на фоне нанятой „Идущими вместе“ пенсионерской клаки, взволнованно произносящие в камеру что-то вроде „Люди все прибывают и прибывают... Такого Москва не видела очень давно“. На Болотной, когда такой господинчик с Первого, кажется, канала интервьюировал старушку, шпарившую в ответ точными цитатами из интервью Суркова „Комсомолке“, я не выдержал, спросил у старушки, долго ли она учила текст. В принципе репортер не должен так себя вести – подкалывать и провоцировать героев будущего репортажа (грубо говоря, сегодня, придя на митинг, ты подкалываешь старушку, а завтра, приехав на фронт, возьмешь в руки автомат, чего репортеру уж точно нельзя делать). Но, черт подери, я живой человек, а эта старушка – зомби в лучшем случае, в худшем – гораздо больший провокатор, чем мы с Сурковым вместе взятые. Поэтому, я считаю, черт с ней, с этикой, – старушку надо мочить.

У меня действительно сдали нервы на этом митинге. Я бродил среди ветеранов (самое ужасное, что они действительно ветераны, то есть те, кого я с младенчества приучен уважать, относясь к ним как к людям заведомо более достойным, чем я сам) и спрашивал каждого: „Вам нравится здесь? Вам нравится этот митинг?“ А они не отвечали даже. Это как в фильме ужасов: ты среди них, совсем один, а они сквозь тебя ходят, извергая слизь, оставляя ее на твоём лице и твоей одежде. К „Идущим вместе“ всегда следовало относиться как к мразям, но 7 ноября нынешнего года они себя переплюнули: одно дело бросать в политические бои традиционных гопников, мечтающих о пейджере (или о чем там мечтают эти недоноски), другое – притаскивать для массовки стариков, которые вовсе не для того побеждали в войне и отстраивали послевоенную страну, чтобы некий Вася Якеменко бросал их под гусеницы интересов некоего Славы Суркова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.